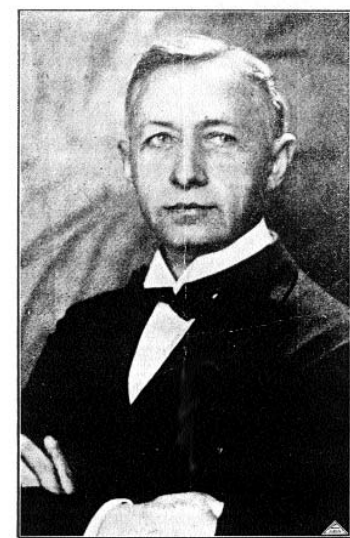

В этом году исполняются две даты, важные для русской культуры и литературы. 70 лет назад первую Нобелевскую премию в области литературы из россиян получил Иван Бунин. 50 лет назад не стало этого великого писателя, человека, стоявшего у истоков южнорусской литературной школы. До сих пор не издан ни в России, ни в Украине полный Бунин. И поэтому по крохам собирается то, что станет отсветом "Жизни Арсеньева". И вот еще один забытый эмигрантский журнал, выходивший рядом с Одессой, в Кишиневе. Номер посвящен Ивану Бунину. Академик прислал для него - по просьбе редакции - рассказ "Третий класс" и фотографию. А разве не без волнения читаются воспоминания Елены Поскович, жившей в Одессе, рядом с Иваном Алексеевичем на Большом Фонтане... Маленький журнал в большом альманахе вернет нам не только историю литературы, но и саму литературу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Вс Парик, март 1928

Академик Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ. Лауреатъ Нобелевской премии 1933 года.

Ив. Бунинъ.

*Второй класс, третий
из третьего Ив. Бунин*

Третій классъ.

тро, но зной уже адскій.

Весь въ бѣломъ и въ бѣломъ шлемѣ, я сижу въ раскаленной лакированной колясочкѣ, въ маленькой двуколкѣ, въ тонкихъ оглобляхъ которой быстро и низко, весь точно падая, мчится высокій, черный, весь блистающій своей могучей и великолѣпной наготой тамиль.

Это я ѣду на желѣзную дорогу, уѣжаю изъ Коломбо въ Анарадхануру.

И вотъ впереди уже площадь, пустая, бѣлая, ослѣпительная, а за нею еще болѣе ослѣпительное зданіе вродѣ мавританскаго дворца, — странное своей бѣлизной на бѣлесомъ отъ зноя небѣ. Среди всей этой бѣлизны и бѣлаго солнечнаго пламени черное тѣло и длинные черные волосы тамила рѣжутъ глаза.

Въ зданіи вокзала вѣетъ теплый сквознякъ.

Снявъ шлемъ, вытираю мокрый ледяной лобъ и сиѣшу къ выходу на платформу.

Высокій и тяжелый, съ бѣлыми крышами и навѣсами надъ окнами, поѣздъ уже готовъ.

Приближаясь къ будочкѣ кассира, вынимаю на ходу ровно столько монетъ, сколько требуется за проѣздъ до Анарадхануры въ *третьемъ* классѣ, и стучу ими передъ выглядывающимъ изъ будки англичаниномъ :

— Third class, Anaradhapura! Третій классъ, Анарадханура!

— First class? Первый классъ? — отвѣчаетъ тотъ вопросомъ.

— No, third class, третій классъ! — кричу я.

— Jes, first class! — кричитъ и англичанинъ, выкидывая билетъ перваго класса.

И тогда я весь суюсь въ будочку и начинаю кричать приблизительно такъ :

— Слушайте, это мнѣ осточертѣло! Я хочу видѣть все особенности страны, всю ея жизнь, всехъ ея обитателей, вплоть до самыхъ „презрѣнныхъ“, какъ вы говорите всегда о цвѣтныхъ людяхъ, которые, конечно не могутъ да и не смѣютъ

ѣздить въ первыхъ классахъ. Но всякій разъ, всякій разъ, какъ я хочу сѣсть въ третій классъ, начинается эта гнусная борьба съ кассиромъ! Я твердо и ясно требую *третьй* классъ. Однако, пользуясь созвучіемъ словъ, меня всякій разъ перебиваютъ, дурачатъ: „Вы хотите сказать, первый классъ? Я кричу: да нѣтъ, третій, третій! Но мнѣ все таки выкидываютъ билетъ перваго класса! Я швыряю его назадъ—и тогда кассиръ, внѣ себя отъ изумленія, что бѣлый человекъ одержимъ низкимъ и бе-

зумынымъ желаніемъ сидѣть рядомъ съ цѣтными, начинаетъ кричать и себя, запугиваетъ меня насѣкомыми, которыхъ я могу набраться отъ цѣтныхъ, главное же, наставляетъ меня въ томъ, что никто, рѣшительно никто изъ бѣлыхъ не ѣздитъ здѣсь въ третьемъ классѣ, что это не принято, неприлично, всамутительно!

И я заключаю такъ:

— Однимъ словомъ, извольте сію-же минуту дать мнѣ то, что я требую!

Разумѣется, въ концѣ концовъ, кассиръ сдастся: пораженный моей яростью, онъ на мгновеніе каменѣетъ, смотритъ на меня глазами взбѣсившейся кобры — и вдругъ рѣшительно швыряетъ чуть не въ лицо мнѣ билетъ *третьяго* класса.

Побѣда? Ну нѣтъ, праздновать побѣду еще рано.

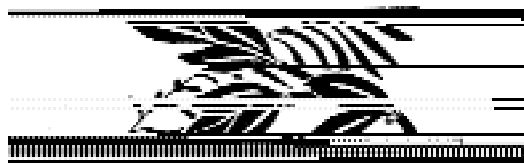
Торжествуя, водворяюсь я въ вагонъ и жду спутниковъ, этихъ самыхъ „презрѣнныхъ“ цѣтныхъ.

Но что за чортъ — ихъ нѣтъ и нѣтъ!

По платформѣ, мимо моего купе несется непрерывный сухой шорохъ босыхъ бѣгущихъ ногъ.

Но почему же несется онъ все мимо, все дальше куда-то?

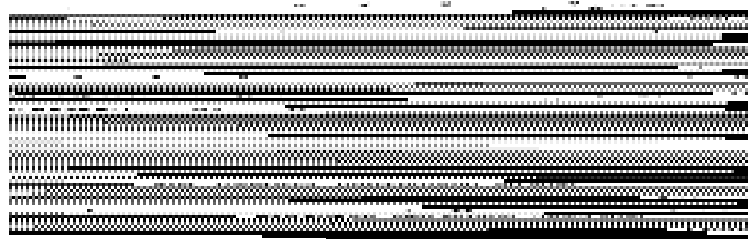
— А, понимаю: ихъ пугаетъ мой шлемъ, бѣлый шлемъ бѣлаго человека, въ купе къ которому все-таки, по ихъ справедливому мнѣнію, лучше не соваться.

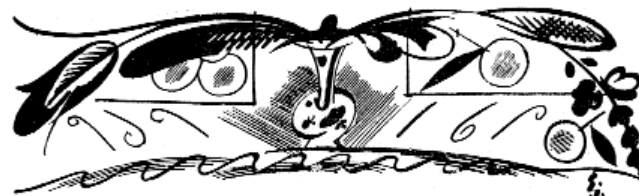
Игорь Сѣверянинъ.

БУНИНЪ.

*Въ его стихахъ—веселая капель,
Откосы горъ, блестящія слядою,
И спѣтая березой молодою
Пѣснь солнышку. И венчикъ водъ купель.
Прозраченъ стихъ, какъ сѣверный апрѣль.
То онъ бѣжитъ проточною водою,
То теплится студеною звездою,*

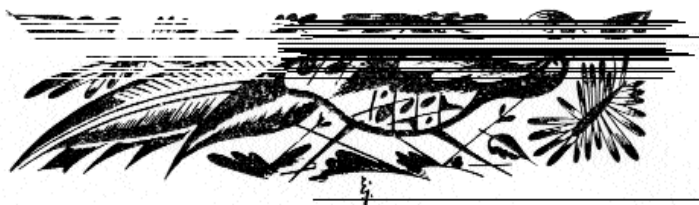
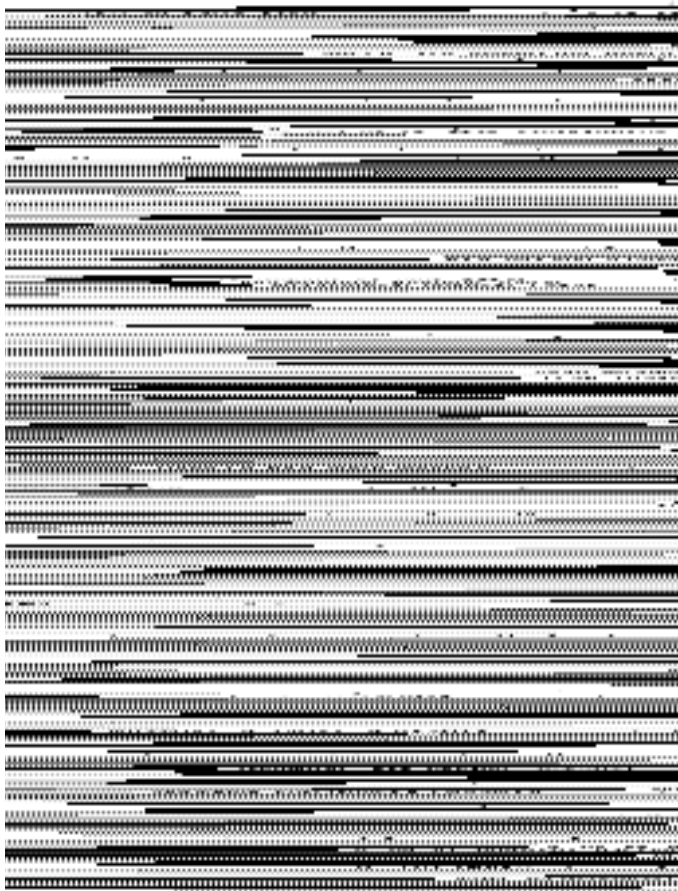

Игорь Сѣверянинъ

К. Д. Бальмонтъ.

*Вамъ любы-ли алая зори,
И листъ, что беззвучно плеснулъ?
И звѣзды въ нѣмомъ разговорѣ,
И мельницы рокотъ и гулъ?
Зайдите-ка въ лѣсъ вечерочкомъ,
Постойте. Незримый, и тутъ.
Толкачки, вонъ надъ кусточкомъ,
Веселую пляску ведутъ.
Я ихъ научаю вздыматься
Въ воздушную ровную гладь,
Съ тепломъ, что на завтра, спознаться,
Чтобъ людямъ о томъ не гадать.
И, если толкачки въ пляскѣ,
Кружатъ все живей и живей,—
Моей подчиняясь указкѣ,
Не тронетъ ихъ воръ-воробей.
Я съ ними немножко побуду,
Заботливый, зоркій пастухъ,
И далѣе, къ новому чуду,
Чтобъ тѣшить и зрѣнье и слухъ.
Пастухъ я,—хоть малый,—особый,
Менѣ мнимыхъ брожу я гробовъ,
Мокоты лелѣю я, гробы
Монихъ голубыхъ мотыльковъ,
И желтыхъ, и алыхъ, и бѣлыхъ,
И черныхъ,—всѣ краски—нарядъ,
Въ движеніе крылышекъ смѣлыхъ
Докину и, и крылья летать.
И я, не въ примѣръ пастушонкамъ,
Не дамъ размахнуться бегу,*

ВОЛЖСКИЙ АЛЬБОМЪ

А. М. Бадоровъ.

(СОНЕТЪ)

Что древности до нашихъ жалкихъ дней,
Запутанныхъ въ свои стальные сѣти!
Но духъ того, чего ужъ нѣтъ на свѣтѣ,
Мнѣ посылаетъ зовъ свой изъ камней.
Счастливый мѣръ. Они—Атланта дѣти.
Не скалы, а останки кораблей,
Руины капищъ. Прахъ тысячелѣтій.
Но небо пролило на нихъ елей.
Смотрю, дивлюсь. И трепещу непонятный
Волнуетъ сердце. Что же они мнѣ?
Что значить зовъ ихъ смутный и невнятный?
И отчего мнѣ греются во снѣ
Нездѣшныя, несказанныя дѣва,
И въявь жизнь ничтожна и тосклива!

Софія.

Игорь Сиверининъ.

Могло быть такъ...

*Могло быть такъ: лѣтъ двадцать пять назадъ,
Тамъ, на воспѣтой Пушкинымъ Невѣ,
Слегка желтѣлъ зеленый Лѣтній садъ,
Въ осенней было небо синевѣ.*

*И Мраморный дворецъ стоялъ въ плочѣ,
Пустѣло поле марсовыхъ потѣхъ.
Я въ мягкой черной шляпѣ и плащѣ
Дорожкой проходила съ одной изъ тѣхъ...*

*И бонну съ дѣвочкою лѣтъ пяти
Мы у Крылова встрѣтили тогда,—
Дитя у насъ сверкнуло на пути,
Какъ съ неба падающая звѣзда.*

И дѣвочки на невскомъ берегу!

